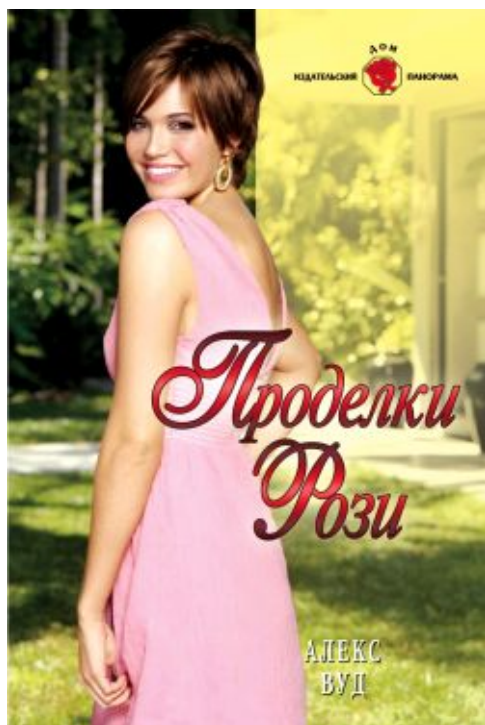

Алекс Вуд Проделки Розы

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=283682
Проделки Розы: Издательский Дом «Панорама»; Москва; 2008
ISBN 978-5-7024-2403-3*

Аннотация

Уолтер Алистер красив, образован, богат и выше всего ставит душевное спокойствие. Его мечта – домик в глуши и прелестная белокурая дева, с которой можно было бы мечтать при луне. Но когда в его жизнь насильно вламывается Розы, Уолтер вынужден пересмотреть свои идеалы. У нее нет знатных предков и золотистых локонов. Она – представитель лондонского дна, и каждый час наедине с ней кажется Уолтеру кошмаром. Но Розы быстро меняется под его влиянием. И, к удивлению новоявленного Пигмалиона, он сам меняется еще сильнее, чем его ученица...

Содержание

Пролог	4
1	7
2	12
3	18
4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алекс Вуд

Проделки Розы

Пролог

Сегодня я хочу рассказать вам одну замечательную историю...

Нет-нет, так не пойдет. Это неудачное начало, я запутаюсь. Прежде всего, позвольте ввести вас в курс дела. Если у вас нет желания слушать болтовню глупой влюбленной девушки, то начало смело можете пропустить. Приступайте сразу к основной части, и я уверяю вас, что вы не разочаруетесь. Но для тех, кто предпочитает знать все и кого не страшат глубины душевных страданий, я расскажу о том, как я впервые встретилась с Уолтером.

Еще полгода назад я думала, что любви с первого взгляда не существует. Может быть, раньше, когда девушкам нечего было делать, кроме как мечтать о прекрасных принцах, им достаточно было только посмотреть на мужчину, чтобы влюбиться. Они вздыхали при луне, прикалывали засохшие цветы к корсетам и роняли слезинки над проникновенными стишками.

Но сейчас таким глупостям не место, считала я. Есть дела поважнее и посерьезнее. Корсеты и проникновенные стишки благополучно канули в Лету. Мы живем во времена великих перемен и должны соответствовать их духу. Суфражистки, не щадя себя, сражаются за права и свободы женщин, и мы вот-вот получим право голосовать на выборах. До нежной ли любви, когда появилась возможность поучаствовать в политических играх?

Уберите стихи и дайте мне парламентскую колонку «Таймс» – вот как я смотрела на жизнь в то время.

Когда я вспоминаю, какой наивной глупышкой я была, мне становится смешно. Конечно, это смех сквозь слезы. Прошло совсем мало времени, и я осознала свою неправоту... Но какой ценой...

Ценой разбитого сердца.

Я встретила Уолтера Алистера и влюбилась в него. С первого взгляда и на всю жизнь.

Случилось это несчастье со мной на приеме у леди Сэппингтон, куда мама почти насильно затащила меня. Светская жизнь, которую, по ее мнению, должна вести девушка моего положения и внешности, совершенно меня не прельщала. Но леди Сэппингтон – старинная мамина подруга, и я была просто обязана показаться на ее приеме. Хотя это и не доставило мне ни малейшей радости.

Как неприкаянная бродила я от стены к стене и мечтала о том, чтобы стать невидимой или хотя бы глухой. Все эти сплетни, перешептывания, недомолвки действовали мне на нервы.

– А вы слышали, что старший сын лорда Топпингхолла сбежал с кухаркой?

– А вы знаете, что Патрик Сильверстоун устроил снова дебош в клубе «Дубы»?

– А вы в курсе, что Элизабет Алистер подыскивает невест для своего сына?

И так без конца. Несколько раз меня пытались вовлечь в обсуждение чужих проблем и пороков, но я была непреклонна. На такие темы я не разговариваю. Они не просто не интересуют меня. Они вызывают во мне отвращение.

С молодыми людьми дело обстояло чуть лучше. Они хотя бы не сплетничали. По крайней мере, при мне. Но зато пытались за мной ухаживать, что было лишь чуть менее неприятно.

– Не хотите ли выпить бокал шампанского?

– А вы видели новую пьесу Корбетта?

– Где вы собираетесь провести лето?

И все в таком духе. Через пять минут подобных разговоров моя голова обычно трещит, и я начинаю истово мечтать о своей уютной комнате и свежем номере «Таймс».

Пожалуй, здесь мне следует остановиться и расставить все точки над «і». Я ничего не имею против молодых людей и любви в целом. Но когда на меня начинают смотреть томными глазами, при мне начинают вздыхать и бессмысленно улыбаться, я прихожу в ярость. Почему мужчина становится таким непроходимым болваном при виде хорошенькой девушки (а меня с детства считают хорошенькой)? Вот что терзает меня с тех пор, как я стала выезжать в свет.

Но в тот вечер у леди Сэппингтон мои взгляды потерпели сокрушительное поражение. Не успела я отделаться от болтливой Чарльзы Тотенхэма и рыжего Оливера Маккуинги, как прибыли новые гости. Леди Элизабет Алистер и ее сын Уолтер.

Мне было достаточно один раз взглянуть на него, чтобы потерять сердце, разум, покой и все прочее, что полагается терять от любви с первого взгляда. О «Таймс» и суфражистках было навсегда забыто.

За несколько минут я успела разглядеть его во всех подробностях, так что его образ навсегда запечатлелся в моей памяти. Конечно, я бы предпочла иметь его фотографию, но, увы, Уолтер не кинозвезда и его снимки не печатают в еженедельных журналах. Поэтому каждый раз перед сном я обращаюсь к своей памяти и вызываю воспоминание о нашей первой встрече.

Уолтер Алистер показался мне самым красивым мужчиной из всех, что я встречала до сих пор. У него изумительные глаза: светло-карие, строгие, внимательные. От его взгляда хочется спрятаться и в то же время хочется, чтобы он смотрел на тебя вечно...

Ресницы Уолтера... Ах, любая девушка отдала бы мизинец за то, чтобы иметь его ресницы. Пушистые, длинные, черные. Похожи на мои, между прочим. Брови темные, ровные, не толстые и не тонкие, а как раз такие, какие нужно, нос прямой, с небольшой горбинкой, волосы светлые, густые... Нет, не хватает у меня способностей, чтобы описать его. Слова меркнут в сравнении с чувствами, которые охватили меня в тот момент, когда я увидела Уолтера.

Любовь с первого взгляда от души стукнула меня по макушке. И надо же было такому случиться, что я влюбилась в мужчину, чьи взгляды на любовь практически полностью совпадали с моими.

Разумеется, с моими прежними взглядами.

Потому что после встречи с Уолтером я перестала быть собой.

Вернувшись домой, я с пристрастием расспросила мамочку об Уолтере Алистере. Бедняжка так обрадовалась моему интересу, что выложила все, как на духу. Уолтер был образцом для подражания и столпом общества. Идеальный сын и жених: умен, богат, красив, образован, безупречен. Он был дружен с Патриком Сильверстоуном, известным смутьяном и нарушителем приличий, но ни разу не был замешан ни в одной из затей Патрика.

Единственное, что ставили Уолтеру в упрек, это излишнюю замкнутость. Он предпочитал проводить время дома наедине с книгами, а не с друзьями в шумном клубе. Однако большинство сходилось на том, что в наш развращенный век это характеризует Уолтера с наилучшей стороны.

Я ничего не имела против его замкнутости. Пока на себе не ощутила ее ледяную руку.

На приеме у леди Сэппингтон я упустила возможность познакомиться с Уолтером, потому что вместо того, чтобы попросить маму представить его мне, я спряталась за колонны и пожирала Уолтера глазами. Глупо, конечно, но вполне естественно для меня.

Но на дневном спектакле, что устраивала Гортензия Фалстроуп через неделю, я непременно попала на глаза, когда она беседовала с Уолтером. Нас представили друг

другу. Это было непередаваемо... Мое сердце колотилось так быстро, что я была уверена – его слышат все вокруг. Должно было произойти что-то невероятное...

Пусть Уолтера поразит гром любви, как это произошло со мной, взмолилась я. Господи, пожалуйста.

Но мои жаркие молитвы не помогли. Глаза Уолтера равнодушно скользнули по моему лицу. Он поклонился, пробормотал что-то вроде «приятно познакомиться» и тут же забыл о моем существовании.

Не в моих правилах навязываться мужчинам, но ради Уолтера я была готова на все. Увы, он не дал мне возможности даже поговорить с ним – ушел, не дождавшись конца представления. А я к своему ужасу выяснила, что Уолтер очень редкий гость на светских вечеринках и приемах, что он сторонится женщин и вообще редкостный нелюдим. И что если он когда-нибудь женится, то исключительно по указке своей властной матери, леди Алистер.

Что мне было делать? Здравый смысл подсказывал единственный выход. Забыть Уолтера и сделать наконец выбор между Чарльзом Тотенхэмом и Оливером Маккуинги.

Так я и собиралась сделать, пока однажды ко мне не нагрянул неожиданный посетитель...

1

Уолтер играет в бильярд

Уолтер стоял в прихожей и рассеянно перебирал визитные карточки вчерашних посетителей. Друзья и знакомые леди Алистер, которым не лень было наносить светские визиты и непременно оставлять карточки. Уолтер как раз дошел до *леди Гвендолин Чезвик*, когда раздалась заливиная трель дверного звонка.

В доме Алистеров дверь обычно открывал дворецкий, но ему еще нужно было спуститься вниз, а Уолтеру было достаточно протянуть руку, чтобы снять тяжелую дверную цепочку.

Что он и сделал, гадая, кому вздумалось заявиться к ним в гости в это время.

Днем в воскресенье обычно находилось мало желающих наносить визиты. Все отсыпались после бурной субботы и готовились к воскресным вечеринкам. Даже самые стойкие и непогрешимые люди из числа близких знакомых леди Алистер предпочитали оставаться воскресным днем дома, чтобы почитать или повязать.

Но человеку, который стоял на пороге дома Алистеров, было не до сна или вечеринки и уж тем более не до вязания. Ярко-желтая жилетка и высокая шапка безошибочно указывали на то, что неожиданный посетитель состоит в рядах тех, кто неусыпно бережет покой граждан.

– Добрый день, сэр, – вежливо сказал полицейский, – Я констебль Бернс. Простите, что потревожил.

– Здравствуйте, констебль, – сухо произнес Уолтер.

У него были свои причины, чтобы не любить представителей закона.

– Чем могу быть полезен?

Полицейский замялся.

– Понимаете, мы преследуем воровку... И мне показалось, что она забежала в ваш дом.

– Каким образом, хотел бы я знать? – холодно осведомился Уолтер. – Как вы понимаете, мы вряд ли бы впустили в дом воровку.

Но его изящный сарказм пропал втуне. Констебль Бернс был из разряда «непрошибаемых».

– Перемахнула через забор и спряталась в саду.

Уолтер пожал плечами.

– Весь сад прекрасно просматривается с улицы. Вы можете спокойно убедиться, что никакой воровки там нет. Доброго дня, констебль.

Уолтер стал закрывать дверь, но полицейский остановил его.

– Да, сэр, простите, но я бы хотел осмотреть дом. С вашего позволения, конечно. Сад пуст, я знаю. Скорее всего, она внутри. В доме наверняка имеется черный ход... или открытое окно на первом этаже...

Уолтер нахмурился. Дожили. Теперь полиция не гнушается уже врываться в частные дома.

– У вас есть ордер?

– Нет, но я рассчитывал, что вы войдете в положение и позволите...

– Тогда нам не о чем разговаривать. Сейчас в доме идет ремонт, и черный ход закрыт. Окна на первом этаже мы никогда не открываем. Так что можете быть уверены, что вашей воровки здесь нет.

– Но, сэр, ей некуда было деваться. Я лично видел, как она перепрыгнула через ваш забор.

– Может быть, она улетела? – предположил Уолтер с усмешкой. – Поищите ее в другом месте.

Он закрыл дверь, возмущенный до глубины души наглостью «бобби». Видите ли, он хочет осмотреть дом! Без ордера. Его, Уолтера Алистера, не проведешь. Он знает свои права. И к тому же не питает особого почтения к лондонской полиции. Однажды... впрочем, нет. Воскресный день слишком прекрасен, чтобы омрачать его грустными воспоминаниями. Лучше побыстрее забыть о назойливой полиции и развлечься игрой в бильярд.

Уолтер снял твидовый пиджак, тщательно разгладил невидимые морщинки и повесил его на спинку стула. Затем включил круглую зеленую лампу над бильярдным столом и натер мелком кончик кия. Все его движения были неспешны и размеренны, как у человека, который изо дня в день совершает один и тот же непонятный для непосвященных ритуал.

Уолтер больше всего на свете любил эти воскресные предобеденные часы, когда он запирался в бильярдной и в одиночестве играл. Его повседневная жизнь была переполнена людьми, и Уолтер особенно ценил эти моменты спокойствия. Он отличался замкнутым характером, и общение с окружающими порой причиняло ему массу неудобств.

Уолтер нередко мечтал о безмятежной жизни в каком-нибудь глухом деревенском уголке Англии, где гости бы появлялись не чаще двух раз в год, а все остальное время он бы счастливо делил между своими книгами, сигарами и бильярдом. Мечты Уолтера не были секретом ни для кого из его знакомых, и в обществе над ним частенько подшучивали и за глаза называли чудаком. Подумать только – обладать такой внешностью и состоянием, иметь за спиной всю мощь и влияние семьи Алистер и стремиться к жизни в сельской глуши, вдали от модных клубов и театральных премьер.

Малыш Уолли (как его по-прежнему называли в определенных кругах, несмотря на то что на днях ему стукнуло двадцать семь) просто рисуется, считали одни.

Нет, он потихоньку сходит с ума, говорили другие.

Но ни первые, ни вторые не удивлялись. Они полагали, что отпрыску богатой и благородной семьи полагается иметь причуды и странности. Чем больше, тем лучше. Таким образом, каждое воскресенье Уолтер с чистой совестью уединялся в любимой бильярдной и фантазировал, что находится не в самом сердце Белгравии, а в какой-нибудь цветущей деревушке Хэмпшира или Глостершира.

Уолтер достал бильярдные шары и выложил их в аккуратный треугольник. Прекрасная игра бильярд. Как ничто другое способствует сосредоточению и концентрации внимания при полном отключении сознания от внешних факторов. Уолтер даже подумывал написать брошюру о благотворном влиянии бильярда на психику издерганного современного человека. Издал бы ее на личные средства и распространил бы бесплатно среди друзей и знакомых, которые все как один относились как раз к тому самому издерганному типу людей.

Но только Уолтер взял кий в руки и склонился над столом, чтобы сделать первый удар, как за его спиной возникла тень. Ее появление сопровождалось деликатным покашливанием. Молодому человеку не нужно было поворачиваться, чтобы узнать, кто осмелился потревожить его в священные часы бильярда.

Реджинальд Брукфилд, личный камердинер.

Он был для Уолтера тем, кем Скапен был для Леандра, а Дживс – для Вустера, то есть преданным до мозга костей слугой, который знает своего хозяина лучше, чем он сам знает себя, и обладает потрясающей способностью улаживать самые неразрешимые проблемы. Уолтер ценил Брукфилда и в какой-то степени даже благоговел перед его необыкновенной сообразительностью.

Но сейчас он имел полное право быть недовольным. Часы, посвященные бильярду, были святы.

– В чем дело, Брукфилд?

– Простите, сэр, что потревожил вас сейчас.

Камердинер тактично потупился. Уолтер забеспокоился. Брукфилд был не из тех наглых камердинеров, которые врываются к господам в любое время дня и ночи безо всякой причины.

– Что-то случилось?

– Боюсь, сэр, у нас возникла проблема.

Брукфилд шагнул в сторону. Проблема стояла сразу за его спиной. Она имела вид растрепанного мальчишки лет пятнадцати. Темные волосы, испуганные глаза на бледном перемазанном личике, невероятной величины вязаная кофта и продранные на коленях джинсы – все это Уолтер ухватил одним взглядом.

– Откуда это, Брукфилд?

По вполне понятным причинам голос молодого человека чуть дрогнул. Не каждый день джентльмен сталкивается в своем доме со столь чумазым существом.

– Из чуланчика, сэр.

Чуланчиком в доме Алистеров было принято называть примыкающую к бильярдной маленькую комнату. Там хранились клюшки и мячики для гольфа, запас бильярдных киев, первые боксерские перчатки Уолтера и прочие милые его сердцу пустячки. Маленькое окно под потолком выходило на задний двор, а единственная дверь вела в бильярдную.

Упреждая естественный вопрос Уолтера, Брукфилд пояснил:

– Окно было открыто.

– Да какая мне разница! – раздраженно воскликнул Уолтер. – Выстави его на улицу, и дело с концом!

– Не могу, сэр.

Уолтер поднял одну бровь. Раньше бывало, что Брукфилд отказывался выполнять его приказания. Но случалось это обычно тогда, когда Уолтер настаивал на чем-либо ошибочном. Как в случае с приемом леди Сэппингтон, когда лишь усилия Брукфилда заставили Уолтера осознать, что если он не поедет с матерью на прием, то наживет смертельного врага в лице вышеупомянутой леди.

Сейчас же правота хозяина была неоспорима. Выкинуть из дома грязного мальчишку, который нагло пробрался в святая святых Уолтера Алистера, обязанность каждого уважающего себя камердинера!

– Не прогоняйте меня, сэр, – пробормотал «мальчишка» высоким женским голосом.

Бровь Уолтера поползла еще выше.

– Да, сэр, – наклонил голову Брукфилд. Он как всегда верно истолковал выражение лица хозяина. – Это девушка.

Уолтер пригляделся к незваной гостье. Ее было очень легко спутать с мальчиком, если бы не голос. Худенькое личико и огромные умоляющие глаза. Уолтер ощутил, как жалость против воли прокрадывается в его сердце.

– Как ты оказалась в моем доме, дитя мое? – спросил он ласковее, чем полагалось бы.

– Простите, сэр.

«Дитя» шмыгнуло носом и провело нечистым рукавом по лицу. Уолтера передернуло.

– Я случайно забежала. Нигде нет жителя от этих паршивцев...

Понимать девушку было сложно. Во-первых, она бубнила себе под нос и проглатывала окончания, а во-вторых, неистребимый акцент кокни терзал уши Уолтера.

– Боюсь, что юную мисс преследуют полицейские, – корректно пояснил Брукфилд.

– Ага, – без энтузиазма подтвердила девушка. – Совсем загоняли, гады...

Лицо Уолтера вытянулось. Похоже, что сегодняшний полицейский был прав. Неуловимая воровка все-таки проникла в дом.

– Они это... думают, что я свистнула побрякушки старой миссис Хиггинс...

Девушка опять провела по лицу рукавом сомнительной чистоты. Уолтер поморщился.

– А это не я, честно, сэр... я близко там не была. Да и ни к чему они мне. Может, это кривой Томми, а может, Дик. Они что-то говорили о старухиных камешках. Ну не знаю я, кто еще там рядышком крутился... А все на меня решили спихнуть. Проще простого, кто бы сомневался...

Уолтер положил кий на стол и тщательно прокашлялся. Юная мисс, по всей видимости, наивно полагает, что в доме Алистеров ей позволят укрыться от справедливого возмездия. Ему придется открыть ей глаза. Пусть он лично относится к полиции без уважения, но покрывать воровку не будет.

– Прости меня, но твои проблемы с полицией меня не касаются, – вежливо, но решительно сказал Уолтер. – Сегодня я уже имел честь побеседовать с одним... гм... представителем закона и, к сожалению, ввел его в заблуждение и не разрешил обыскать дом. Хотя сейчас я понимаю, что нужно было согласиться.

В широко распахнутых глазищах заблестели слезы. Уолтер страдальчески поморщился. Вид женских слез, пусть даже существо в кофте с трудом можно было назвать «женщиной», был для него невыносим.

– Если я правильно понял тебя, дитя мое, то полицейские считают тебя виновной в краже?

– Ага.

– К которой ты не имеешь никакого отношения?

– Да меня и рядом там не было! Я ж говорю, что это скорее Томми или Дик или, может, Пегги...

Девушка задумчиво потерла подбородок. Уолтер настороженно следил за каждым ее движением.

– Да, черт возьми, Пегги сейчас очень нужны деньжата. Она бы могла...

– Тогда в чем дело? – улыбнулся Уолтер. – Ты все расскажешь в полицейском участке, и тебя никто не будет обвинять.

– Черта с два! – выпалила девушка. – Бобби только и ждут, чтобы меня сцапать. Давно на меня зуб имеют и просто так не выпустят. А все из-за моей мамы, которая краденым торговала, а потом в кутузку угодила. Теперь меня решили к ней, я ж все понимаю. Я сама видела, возле дома толкутся и ждут, сволочи...

Уолтер встревоженно взглянул на Брукфилда. Ему не нравился ни облик юной нарушительницы границ, ни ее жаргон. Конечно, законы человеколюбия никто не отменял, но разве джентльмену не позволено охранять границы своего дома? При иных обстоятельствах он бы с удовольствием помог несчастной малышке... Подал бы ей пенни, к примеру. Но что сейчас от него требуется?

– Милая моя, а я что для тебя могу сделать? – осведомился Уолтер.

Ответ девушки заставил Уолтера вытаращить глаза.

– Можно я побуду у вас немного, а, сэр?

– Ч-что 3-значит, побуду немного?

– Ну поживу пару дней, – невозмутимо пояснила она. – Бобби успокоятся и перестанут следить за вашим домом. А я потом уйду.

Уолтер нервно рассмеялся.

– Ты можешь уйти незаметно прямо сейчас. У нас есть отличный безопасный черный ход, у которого вряд ли дежурят полицейские.

Потому что я сказал им, что черный ход закрыт, добавил он про себя.

– Прошу прощения, сэр, – негромко произнес Брукфилд, – но вы ошибаетесь. Полицейские стоят у каждого выхода. Видимо, они не совсем поверили вашей милости.

Лицо Уолтера вытянулось.

– Какое право они имеют окружать мой дом... – начал он возмущенно. – Хотя, конечно, я не могу им запретить. Что же нужно было совершить, чтобы поднять на уши всю лондонскую полицию?!

Девушка хлюпнула носом.

– Я ж это... говорю... на мамашу взъелись и меня хотят зацапать.

– Ой, помолчи, ради всего святого!

Девчонка прикусила зубами большой палец и энергично закивала.

– И что же мне тогда делать? – прямо спросил Уолтер у камердинера.

Он почти не сомневался в том, что мудрый Брукфилд в изысканных выражениях посоветует ему выставить немытую нахалку на улицу.

– Решать, конечно, вам, сэр...

Камердинер тактично поклонился.

– Продолжай, Брукфилд. Как бы ты поступил на моем месте?

– Но почему бы на самом деле не приютить мисс Розы на пару дней? Мы могли бы устроить ее на кухне или в чуланчике, и она бы никого не потревожила.

– Розы? – переспросил остолебевший Уолтер.

– Ага, меня Розы зовут, – подтвердила улыбающаяся девчонка. – Дурацкое имечко, но мамаше моей разве что докажешь? Вбила себе в голову, что Розы – это красиво, взяла и назвала меня так. А мне бы попроще что-нибудь. Мэри там... или Элис...

Уолтер поднял руку, пытаясь отгородиться от очередного потока красноречия в стиле кокни.

– Хорошо, хорошо. Пусть будет мисс Розы. Оставайся, раз это так необходимо.

Уолтер кинул на камердинера суровый взгляд.

– Но ты, Брукфилд, лично проследишь за тем, чтобы не вышло какой-нибудь неприятности.

– Разумеется, сэр.

– Ох, спасибо вам большое, я ж никогда не забуду...

Уловив страдальческий взгляд хозяина, Брукфилд взял девушку за плечо.

– Пойдемте, – сказал он строго.

Когда за странной парочкой закрылась дверь, Уолтер опять взялся за кий. Однако необходимое спокойствие духа было безвозвратно утеряно. Что за существо поселил он в своем доме по непонятной причине? А все Брукфилд виноват. Если бы не его поддержка, он бы выставил бродяжку в два счета. А теперь... Что делать, если фамильное столовое серебро вдруг пропадет? Или мамины драгоценности?

Брукфилд должен сознавать, что ответственность целиком и полностью падает на его плечи. Хорошо хоть, что дом достаточно велик, чтобы спрятать в нем десяток юных оборванок, и никто из его семьи не поймет, что здесь находится некая мисс Розы.

Уолтер ударил по шарам и промазал. Он выпрямился. Его руки заметно дрожали. Похоже, что традиционная воскресная партия в бильярд была безнадежно испорчена.

2

Невесты Уолтера и предсказание Марго

К вечеру за Уолтером заехал Пэтти Сильверстоун и повез его в клуб ужинать. Пэтти считался лучшим другом Уолтера, если, конечно, допустить, что у затворников могут быть лучшие друзья. Тем более такие.

Пэтти был полной противоположностью Уолтера: невысокий, склонный к полноте, он не мог жить без общества, а общество не могло жить без него. Пэтти знал обо всем, что творится в городе, читал все новинки, присутствовал на всех театральных премьерах и был поочередно влюблен в каждую лондонскую красавицу.

С Уолтером Алистером его связывала давняя школьная дружба, которая, как известно, крепче всего на свете. Они вместе учились в Винчестере, вместе изучали изящную словесность в Оксфорде. Вместе влипали в различные истории. Вернее, влипал один Пэтти, а Уолтер выручал его из беды и читал нотации. Не один и не два раза Уолтер платит мировому судье штраф за Пэтти. Так уж сложились жизненные обстоятельства молодого Патрика Сильверстоуна, что в его кармане редко водились купюры крупнее пятифунтовых. Благополучие Пэтти целиком и полностью зависело от расположения богатого дядюшки, который вряд ли бы расстался хоть с одним пенсом, чтобы вытащить дорогого племянника из тюрьмы.

Впрочем, время от времени Пэтти и Уолтер менялись местами, и уже Пэтти выступал в роли старшего умудренного опытом друга. Он считал, что Уолтер зря тратит свою молодую жизнь на книги и бильярд, и пытался приобщить его к шумной богеме.

Как, например, сейчас, когда он практически насильно усаживал Уолтера в свой автомобиль, чтобы отвезти в «Дубы», клуб для молодых аристократов, пользовавшийся бешеной популярностью.

– Уолли, ты ведешь себя как столетний старик! Мой прадедушка Гринвуд в десять раз активнее тебя. Подумать только, решил все воскресенье посвятить бильярду. Сколько тебе лет, Уолтер?

– Ты прекрасно знаешь, сколько.

– Знаю. – На широком добродушном лице Пэтти нарисовалась досада. – И это меня убивает. Ты состарился раньше времени.

– Но-но!

– Да, о грустном не будем. У меня для тебя потрясающая новость.

Пэтти залихватски подмигнул. Уолтер вздохнул. Любая потрясающая новость Пэтти Сильверстоуна была чревата неприятными неожиданностями.

– Сегодня вечером нас ожидает обворожительная Марго в новой постановке Уитта Колбена. Я проведу тебя к ней в гримерку, если хочешь.

– Кто такая Марго?

– Ты не знаешь, кто такая Марго? – Пэтти резко крутанул руль. – Ты дремучий человек, Уолтер Алистер. Маргарет Уиверс, блистательная звезда, взошедшая недавно на небосклоне лондонской театральной сцены. Я впервые увидел ее два месяца назад. Она гениальна, если хочешь знать. А сколько трудов мне стоило попасть в ее гримерку, ты даже себе не представляешь, Уолли!

Уолтер покосился на друга. Судя по всему, «обворожительная Марго» была последним завоеванием ветреного Пэтти. Несмотря на неказистый вид, тот очень нравился женщинам.

– Меня мало интересуют актрисы и их гримерки, – заметил Уолтер.

– Вот именно! А почему? Потому что ты – ненормальный отшельник, и привести тебя в чувство – первая задача любого человека, который к тебе неравнодушен!

– Только не говори, что тебя подслала Вайолет, – простонал Уолтер.

– Уж конечно не Вайолет. Ей бы вряд ли понравилась мысль, что ты шатаешься по примеркам актрис.

– Ты прекрасно понял, что я имею в виду не актрис, – нахмурился Уолтер. – Хватит шутить. Это Вайолет заставила тебя сегодня вытащить меня из дома?

– Она тут ни при чем.

– Только не сочиняй. У тебя всегда уши краснеют, когда ты врешь.

Пэтти обеспокоенно посмотрел в зеркальце заднего вида, чтобы убедиться, что с его ушами все в порядке. Уолтер расхохотался.

– Вот видишь, сам себя выдал. Рассказывай, что на этот раз задумала твоя сестрица.

Пэтти вздохнул.

– Она считает, что вы должны больше времени проводить вместе.

– О господи.

– И я с ней согласен! Не забывай, что вы теперь жених и невеста.

– Неофициально.

– Да, – кивнул Пэтти. – Пока. Но в любом случае она имеет право на твое внимание.

Уолтер стиснул кулаки. С каким удовольствием он посвятил бы друга в подробности своей неофициальной помолвки с Вайолет Сильверстоун. Но не имеет права. Обещался матери. Да и без обещания ясно, что ему нужно держать язык за зубами, если он не хочет опозориться сам и опозорить Вайолет на весь Лондон.

Потому что взрослому и почти самостоятельному мужчине должно быть стыдно жениться на ком-либо лишь из-за того, что так пожелали его родители.

Леди Элизабет Алистер, мать Уолтера, была помешана на том, чтобы сын сделал достойную партию. Она не верила в либерализм и демократию, равенство людей и классов и одинаковые возможности для всех. Ее предки были аристократами уже при Карле Первом, и леди Алистер не сомневалась, что и в более ранние периоды они были людьми известными и значительными. Сама она вышла замуж удачно, за единственного сына лорда Фонтеноя, и теперь надеялась на то, что ее собственный сын не будет валять дурака и подберет себе жену из родовитого семейства.

Проблема была в том, что Уолтер вообще не хотел жениться.

Он прекрасно ладил с женщинами. Они находили его «душкой» и «красавчиком», но нежные отношения пугали молодого человека до полусмерти. Уолтер предпочитал любви дружбу и искренне не понимал, почему так не может продолжаться всю жизнь.

Конечно, наедине с собой он порой мечтал о кроткой голубоглазой деве из глухой хэмпширской деревушки, непременно дочери какого-нибудь духовного лица или, в крайнем случае, благовоспитанной сиротке. Она будет ласковой, заботливой, обязательно молчаливой и начитанной. Никогда не будет таскать его на приемы и требовать новое платье каждую неделю. С ней можно будет держаться за руки и молча любоваться лунной дорожкой на глади пруда.

Какого пруда, неважно. До таких подробностей Уолтер в своих мечтах не доходил. Вопрос заключался в том, что в его окружении идеала женской красоты и благонравия не наблюдалось, и поэтому Уолтер был обречен на одиночество и постоянные упреки матери.

Однако леди Алистер была не из тех, кто сыплет упреками, но не действует. Она как огня боялась, что Уолтер влюбится в какую-нибудь «простушку» и тайком женится на ней. Лишать наследства в наше время немодно, и денежного рычага в руках заботливой матери не было. Ей оставалось только истово молиться, надоедать сыну и между делом устраивать смотр потенциальных невест. Она не сомневалась, что рано или поздно ее упорство одолеет

пассивность Уолтера, и он позволит ей «устроить» его судьбу. А кто лучше матери знает, какая девица подойдет ее умному, красивому и образованному сыну?

Инстинкт не подвел леди Алистер. После двух лет вздохов и намеков Уолтер устал. Понимая, что в ближайшие тридцать лет глухой деревушки с голубоглазой девой ему не видать как своих ушей, он решил уступить. Свое малодушие он оправдывал, в первую очередь, заботой о матери, а во-вторых, робкой надеждой на то, что после свадьбы бойкая леди Алистер оставит сына в покое. Пусть будущая жена не будет соответствовать его идеалу женщины. Зато она будет полностью устраивать его мать, что, по мнению Уолтера, гарантировало уютное семейное счастье.

Получив согласие сына, леди Алистер принялась действовать. Несомненно, в ее лице мир потерял великую сваху. Она обладала редким умением выяснять все, что нужно, не называя вещи своими именами и обходя щекотливые моменты. После месяца кропотливой работы она составила список лондонских невест старше шестнадцати и моложе двадцати пяти. Через две недели список пришлось подкорректировать, потому что оказалось, что кое-кто тайно помолвлен, кое-кто – на грани разорения, кто-то считает семейство Алистер скучными ретроgrадами, а кто-то – открыто говорил об Уолтере в презрительном тоне.

В конечном виде знаменитый список леди Алистер содержал двенадцать фамилий. Пять из них были подчеркнуты, что означало «обратить особое внимание». Первым стояло имя некой Джемаймы Уилберфорс. Она была самой богатой и, по мнению миссис Алистер, самой хорошенькой из двенадцати. Осторожно прощупав почву, она поняла, что Уолтер ничего против Джемаймы не имеет.

Обрадованная леди Алистер поспешила на переговоры к матери Джемаймы. Она практически не сомневалась в успехе, так как знала, что леди Уилберфорс также не против устроить для дочери выгодный брак. Уолтер котиrowался очень высоко на рынке английских женихов.

Однако Джемайма выкинула фортель, которого никто не ожидал от милой застенчивой девочки с кукольным личиком. Она сделала именно то, чего всю жизнь опасалась леди Алистер в отношении Уолтера, – сбежала в Гретна Грин и вышла замуж за нищего офицера без роду без племени. Естественно, вопреки воле родителей.

Леди Алистер дрожала при мысли о том, что бы произошло, если бы они успели официально объявить о помолвке Уолтера и Джемаймы. Ее неотразимый мальчик превратился бы в посмешище.

С тех пор она решила не торопиться и более внимательно присматриваться к претендентам на звание миссис Уолтер Алистер.

Номером вторым шла Розамунда Уайтчепел. Темноволосая и черноглазая как итальянка, она, тем не менее, могла похвастаться отличной родословной и неплохим состоянием, которое ее дед и прадед сколотили на активной колониальной торговле.

Не самое почтенное занятие для аристократа, признавала леди Алистер, но в любом случае лучшее, чем сидеть на месте сложа ручки и наблюдать, как стремительно тает наследство предков.

Леди Алистер находилась в финальной стадии переговоров с Уайтчепелами, когда на горизонте появилась мисс Вайолет Сильверстоун. Она была шотландской кузиной Пэтти, лучшего друга Уолтера, и приехала покорять Лондон в возрасте девятнадцати лет.

Что и говорить, Вайолет была поразительной красавицей. Выразительные глаза редкого фиалкового цвета (отсюда и имя, Вайолет) смотрели прямо в душу, золотистые кудри с ботичеллиевой рыжинкой были нежны как шелк. Ее улыбка была обворожительна, а смех сравнивали с серебряными колокольчиками, звенящими на ветру.

Однако Вайолет была блестяща не только внешне. Она родилась, чтобы блистать в обществе, и лондонцы очень быстро оценили достоинства новоиспеченной светской

львицы. Вайолет была достаточно умна, чтобы молчать, когда речь шла о вещах, в которых она не разбиралась, и поэтому ее называли «дьявольски проникательной» и «не по-женски образованной». Она умела слушать, умела ласково улыбнуться к месту или вовремя пошутить. Вайолет всегда была прекрасно одета и разбиралась в моде не хуже парижанки.

К тому же, вопреки распространенному мнению о нищете и скупости шотландцев, ее семья была баснословно богата, и при одной мысли о приданом Вайолет у слабонервных кружилась голова.

Леди Алистер к слабонервным не относилась. Она сразу поняла, что наконец нашла ту, которая достойна ее Уолтера. С родителями Розамунды, к сожалению, пришлось разорвать отношения, но по сравнению с Сильверстоунами Уайтчепелы были нищими выскочками. Сравнить же красоту Розамунды и Вайолет было попросту глупо. Более того, Вайолет была младше Розамунды на целых полгода, а леди Алистер ни в коем случае не хотела, чтобы в Лондоне говорили, что она сосватала сыну старую деву.

Было у Вайолет Сильверстоун и еще одно преимущество, о котором мать Уолтера узнала уже после того, как начала новую охоту за перспективной невестой. О преимуществах вроде этого не болтают на каждом углу, и поэтому родители девушки свято хранили тайну.

Вайолет была по уши влюблена в Уолтера.

Она всего лишь пару раз видела его на приемах и в театре с неугомонным Пэтти, но ей этого хватило, чтобы оценить многочисленные достоинства молодого человека. Леди Алистер была на седьмом небе от счастья, обнаружив такую союзницу. Теперь можно было действовать спокойно, не опасаясь, что прекрасные глаза какого-нибудь военного разрушат ее планы, как это было с Джемаймой.

Главной проблемой теперь был Уолтер, которому настолько надоело мельтешение женских имен в речи матери, что он рвался нарушить обещание и продлить свое холостяцкое счастье на долгие годы.

К великому разочарованию и удивлению леди Алистер, яркая красота Вайолет его ничуть не впечатлила. Когда она аккуратно поинтересовалась у сына, что он думает об «этой прелестной сестричке Патрика», Уолтер назвал ее «кривлякой и болтушкой».

Но леди Алистер была не из тех, кто сдается легко. Вайолет сделалась частой гостьей в доме Алистеров. На сторону заговорщиков был привлечен Пэтти, который симпатизировал сестренке и был не прочь породниться с лучшим другом.

– Тебе не мешает встряска, Уолли, – говорил он каждый раз, когда Уолтер отказывался от очередного приема в честь какого-нибудь скрипача или индийского йога.

Как и ожидалось, дело кончилось тем, что Уолтер махнул рукой и позволил матери считать, что он согласен жениться на Вайолет.

– Хотя на демоне из преисподней, только оставьте меня в покое, – заявил он изумленной матери.

Леди Алистер, однако, решила пропустить демона из преисподней мимо ушей и сосредоточиться на долгожданном «да».

Пока официальную помолвку решили не устраивать, дабы приурочить ее к двадцатилетию Вайолет, которое должно было состояться через два месяца. Уолтер наслаждался свободой и старался не думать о том, что произойдет через два месяца, когда прекрасная мисс Сильверстоун заграбастает его своими жадными ручонками.

– Вы, в конце концов, поженитесь через какие-нибудь полгода, – продолжал Пэтти. – Ты должен быть к ней повнимательнее.

– У меня будет для этого вся жизнь, – улыбнулся Уолтер. – Последние деньки я хочу прожить счастливо и в гармонии с собой.

Пэтти покачал головой.

– Ты меня удивляешь. Половина Лондона сходит по Вайолет с ума. А ты капризничаешь и выдумываешь предлоги, лишь бы с ней не встречаться.

– Я все понимаю, Пэтти, – вздохнул Уолтер. – Но ничего не могу с собой поделать. Такой уж уродился. Мне интереснее играть в бильярд, чем ухаживать за девушкой. Пусть даже за такой красивой, как твоя кузина.

– Вот и играй в бильярд при Вайолет. Она счастлива, ты счастлив. Что еще нужно для идеального брака?

– Обязательно воспользуюсь твоим советом. Когда придет время.

Уолтер помрачнел. Он знал, что Пэтти обеими руками «за» эту свадьбу, потому что был бы счастлив породниться с Уолтером. Но порой не мог отделаться от ощущения, что друг над ним подшучивает. В самом деле, смельчак Пэтти с его вечными влюбленностями не мог не потешаться над человеком, который испуганно шарахается от женщин, как дикое животное – от огня...

В театре был аншлаг, и, пробираясь к своим креслам во втором ряду партера, Пэтти и Уолтер несколько раз останавливались, чтобы поболтать со знакомыми. Уолтер перехватил несколько заинтересованных женских взглядов, и настроение его испортилось еще сильнее. Неужели он не сумел бы самостоятельно выбрать девушку себе по вкусу, раз мать так настаивает на женитьбе? Конечно, она превзошла сама себя, когда сосватала ему Вайолет... и никому не объяснишь, что от красоты мисс Сильверстоун веет холодом, а от ее самоуверенности хочется убежать на край света. В ту же Америку.

Занятый грустными мыслями, Уолтер почти не следил за действием на сцене. Только когда Пэтти толкал его в бок и шептал:

– Вот это она, посмотри, какая прелесть...

Уолтер поднимал глаза и послушно рассматривал стройную женскую фигурку, затянутую в платье начала викторианской эпохи.

– Хороша, – вздыхал Пэтти. – Колдунья, а не женщина. Ведьма.

Уолтер искренне недоумевал, в чем именно та хороша.

После спектакля Пэтти все-таки затащил сопротивляющегося Уолтера к «колдунье» и «ведьме». Блистательная Марго успела отделаться от всех поклонников и сидела на пуфике перед трюмо, обмахивая лицо кисточкой для пудры.

– Дорогая, ты была великолепна! – воскликнул Пэтти и бросился к актрисе.

Уолтер остался у порога, находя поведение Пэтти чересчур мелодраматичным.

– То-то я видела, как твой друг весь спектакль клевал носом, – раздался звонкий голос Марго.

Уолтер вздрогнул. Актриса в открытую разглядывала его, склонив набок изящную головку. Уолтер был вынужден признать, что друг не зря называл Марго «обворожительной». В ней не было блестящей красоты Вайолет, но зато был бесспорный шарм, что ценится гораздо выше. У Марго была осанка королевы и улыбка соблазнительницы; глаза ее, необыкновенно темные для столь светлой кожи и рыжих волос, смотрели строго и задумчиво. Это создавало неотразимый контраст.

– Присаживайтесь, мой мрачный рыцарь, – мелодично рассмеялась Марго.

Она хлопнула по соседнему пуфику и поманила Уолтера.

– Пэтти столько о вас рассказывал, что мне не терпится рассмотреть вас как следует.

Уолтер метнул хмурый взгляд в Пэтти, который с невинным видом развел руками, подошел к пуфику и сел, стараясь не задеть локтем косметические баночки на столе Марго.

– Ты не говорил мне, что он такой красавец, – без церемоний сказала Марго.

– Мне не очень нравится, что вы говорите обо мне в третьем лице, – холодно заметил Уолтер.

Марго засмеялась и захлопала в ладоши.

– О, так он еще и кусается. Замечательно. Пэтти, твой друг – настоящее сокровище.

Пэтти заметно нервничал. Неизвестно, на что он рассчитывал, приведя Уолтера в гримерку, но явно не на то, что Марго начнет с ним кокетничать.

– Я только хотел спросить, Марго, не согласишься ли ты поужинать сего... – начал он.

– Подожди.

Марго махнула рукой и наклонилась к Уолтеру.

– Ты должен сказать мне, почему у тебя такая кислая физиономия.

Уолтер покраснел. Марго сидела так близко, что он мог видеть следы белой пудры на ее лице и вдыхать тяжелый и сладкий аромат ее духов. Она улыбалась, но скорее по привычке, чем по желанию, и Уолтер поймал себя на мысли о том, что она, как и он, лишь изображает веселье.

Еще мгновение назад он собирался сочинить остроумный лживый ответ. Сейчас ему больше не хотелось ничего выдумывать.

– Женюсь, – кратко сказал он.

У Марго вытянулось лицо. Пэтти хохотнул, чтобы разрядить обстановку:

– Да, на самой богатой и красивой девушке Лондона! Так что нет ни одной причины для хандры.

Марго словно не слышала его. Она жадно всматривалась в лицо Уолтера, будто искала какие-то неведомые, лишь ей понятные знаки.

– Дай мне, пожалуйста, свою левую ладонь, – вдруг попросила она.

– Марго, милая, ты в гадалки записалась? – рассмеялся Пэтти.

Уолтер чувствовал, что на самом деле его другу совсем не смешно. Что он ревнует, нервничает и не понимает, что происходит. Но вместо того, чтобы поставить зарвавшуюся Марго на место и уйти, Уолтер молча протянул ей руку. Ей нельзя было не повиноваться. Недаром Пэтти называл ее «колдуньей» и «ведьмой».

Пальцы Марго были теплыми и сухими. Она мягко дотрагивалась до ладони Уолтера, разглядывая черточки и переплетения линий. На несколько минут в гримерке воцарилась тишина.

Наконец Марго подняла голову, и Уолтер вздрогнул, встретившись с ней глазами. Марго смеялась. Ее черные глаза искрились весельем, а губы подрагивали от сдерживаемого хохота.

– Что? – буркнул Уолтер. – В чем дело?

– Не знаю, на ком ты собрался жениться, дорогой мой, но женишься ты точно не на ней.

– То есть я не женюсь? – обрадовался Уолтер.

– Женишься, женишься. Но не на той.

Пэтти понял, что пора вмешаться.

– Так, Марго, извини, нам пора.

Он хлопнул Уолтера по плечу.

– Уже?

– Да. Вставай, Уолли, нас ждет Вайолет. А твои предсказания, моя дорогая, никуда не годятся. Голову даю на отсечение, что через полгода Уолтер поведет в церковь мою кузину!

– На твоём месте я бы не стала так рисковать головой, – усмехнулась Марго. – Она тебе еще пригодится.

Пэтти побагровел.

– Да, нам действительно пора. – Уолтер встал. – Было приятно познакомиться... Марго.

– Мне тоже.

Молодые люди уже подошли к двери, когда их остановил задорный вопрос актрисы:

– Пэтти, разве ты не хотел меня куда-то пригласить?

3

Беспокойная ночь

– Дрянь. Настоящая дрянь. Как я мог заинтересоваться ею, ума не приложу, – сокрушался Пэтти в машине. – Она казалась мне такой... умной, утонченной...

– По-моему, она такая и есть, – вставил Уолтер. – А ты попросту ревнуешь.

– Что-о? Я ревную? К кому?

– Догадайся сам.

– К тебе? – фыркнул Пэтти. – Ни одному нормальному человеку не придет в голову ревновать к тебе женщину!

Уолтер вздохнул. Горячая кровь Пэтти порой вскипала чересчур бурно.

– Давай забудем об этом, хорошо? А теперь отвези меня, пожалуйста, домой.

– Отвезу, – кивнул Пэтти. – Вот только к Вайолет заскочим на пару минут.

– Ты с ума сошел? – возмутился Уолтер. – Ты знаешь, сколько сейчас времени?

– Половина десятого.

– Поздновато для визитов.

– Да она мне голову оторвет, если я тебя не привезу, – просто сказал Пэтти, и Уолтер понял, что сопротивление бесполезно.

Домой Уолтер вернулся около двенадцати. Голова болела от виски, наигранного хохота Вайолет и грохотания музыки в клубе, куда она все-таки потащила их с Пэтти. Вайолет любила танцевать и веселиться и, пытаясь открыть дверь своим ключом, Уолтер с горечью спрашивал себя, как он будет жить с женщиной, чье представление о веселье коренным образом отличается от его.

– Добрый вечер, сэр.

Брукфилд бесшумной тенью возник на пороге.

– Я вас ждал.

– О, чудесно, – обрадовался Уолтер. – Мне бы очень не хотелось тебя разбудить.

– Надеюсь, что вечер прошел хорошо, сэр.

– Замечательно. Лучше не бывает.

Уолтер кинул шляпу на стойку и стал подниматься по лестнице. Брукфилд шел за ним следом.

– А как здесь дела? Все в порядке?

– Да, сэр. В восемь приехали мистер и миссис Глоссон, а в половине девятого – сэр Бабблбел с дочерьми.

Уолтер запнулся о ступеньку.

– Сэр Бабблбел? Глоссоны? А вы случайно не в курсе, Брукфилд, что они тут делают?

– Вы, должно быть, забыли, сэр. В среду состоится благотворительный бал леди Алистер.

– О нет...

Уолтер пошатнулся и схватился за перила.

– Какое сегодня число?

– Двадцать второе, сэр.

– Благотворительный бал, точно. У меня совсем вылетело из головы.

– Неудивительно, сэр. Столько всего произошло в последнее время.

Они дошли до спальни Уолтера. Молодой человек взялся за ручку двери. Брукфилд кашлянул:

– Кстати, сэр, я должен вас предупредить. Не удивляйтесь, пожалуйста...

Но Уолтер уже вошел в комнату.

На первый взгляд его спальня выглядела как всегда. Большая комната с высокими потолками и балконом, старинная кровать под балдахином, камин, который Уолтер не зажигал с тех пор, как в доме провели отопление, книжный шкаф (если захочется почитать перед сном), шкаф для одежды, стулья, столик с электрической лампой у окна и множество изящных статуэток на каминной полке.

Все как обычно, за одним малюсеньким исключением. На стуле у окна крепко спала сегодняшняя бродяжка, уронив лохматую голову на стол.

– Что это значит, Брукфилд? – выдохнул Уолтер в крайнем изумлении.

– Боюсь, у меня не было иного выхода, сэр. Леди Алистер распорядилась готовить пустые комнаты для гостей, и мне пришлось проводить мисс... гм... Розы к вам.

– Черт!

– Прошу вас, сэр, тише. Вы разбудите девочку. А у нее и так сегодня был тяжелый день.

Уолтер покосился на камердинера, но лицо Брукфилда было невозмутимо. Законы человеколюбия были для него сильнее преданности хозяину.

– А ты не проверял, на месте ли полицейские?

– Проверял. На месте, сэр. Похоже, они всерьез взялись за юную леди.

Уолтер поморщился.

– Нет никакой необходимости называть ее так, Брукфилд. Это всего лишь обыкновенная бродяжка.

«Обыкновенная бродяжка» внезапно подняла голову и широко зевнула.

– Добрый вечер... – буркнул Уолтер. – Р-рози.

– Привет.

Она улыбнулась, и Уолтер отметил про себя, что его незваная гостья стала больше похожа на девушку. Причем на вполне симпатичную девушку. То ли после сна ее личико порозовело, то ли она наконец смыла грязь со щек и перестала напоминать замызганного подростка.

– Мне чего, уйти? – Розы начала медленно вставать из-за стола.

Уолтер беспомощно оглянулся на Брукфилда. Тот развел руками.

– Все помещения в доме заняты. Или будут заняты завтра утром. Вы же сами понимаете, сэр.

Уолтер понимал. Три раза в год деятельная леди Алистер устраивала дома пышный прием, который она именovala благотворительным балом. К ним приезжали родственники со всего королевства, да и в столице многие с жадным нетерпением ожидали заветного приглашения. Но леди Алистер звала к себе лишь избранных, которых, впрочем, набиралось более чем достаточно.

Единственным человеком, кто не приходил от бала в полный восторг, был Уолтер. Он не любил танцы, не любил большого скопления людей, не любил, когда дом превращался в отель. На этот раз у него был дополнительный повод бояться приближающегося бала.

Очень симпатичный повод по имени Вайолет Сильверстоун.

Уолтер знал, что она не позволит ему пропустить ни одного танца и не отойдет от него ни на шаг. Хотя официально объявлять о помолвке они собирались позднее, Вайолет не упустит случая продемонстрировать всему Лондону, что место рядом с Уолтером Алистером занято.

Одним словом, неприятных моментов ему хватало и без Розы.

– И где же мне ее держать? – недовольно спросил он.

– А я вам не зверек, чтобы меня где-то держать! – возмутилась девчонка.

Видимо для того, чтобы подчеркнуть свое возмущение, она резко вскочила на ноги, задела столик... и он с ужасающим грохотом опрокинулся.

– Ой, я не хотела.

Рози бросилась поднимать столик, но он был довольно тяжел, и Брукфилд поспешил ей на помощь.

– Подождите, мисс, позвольте мне.

Уолтеру захотелось тут же сбежать из дома и поселиться в гостинице. Но леди Алистер, естественно, этого не допустит. Значит, несколько дней ему придется провести как на пороховой бочке. С одной стороны – мать с ее притязаниями, с другой – чудо по имени Роза, которое вздумало спастись от полицейских под крышей его дома.

– Брукфилд, а может быть, нам поместить мисс... Роза в каком-нибудь другом месте? – взмолился Уолтер. – Не в моей спальне?

– Где именно, сэр?

Брукфилд был сама корректность, но по его глазам Уолтер ясно видел, что пощады не будет. Тот уже рассмотрел все возможные варианты и, конечно же, давно бы спас хозяина от унижения. Если бы возможность представилась.

– Я не знаю. – Уолтер покачал головой.

– И я не знаю, сэр.

– Но как я буду находиться в одной комнате с молодой... э-э... леди?

– А чего? – хмыкнула леди. – Подумаешь. Мы раньше, пока Джимми не ушел, всемером в одной комнате жили, и ниче страшного.

Уолтер лежал на кровати, натянув одеяло до подбородка, и размышлял о превратностях судьбы. У джентльмена есть все, чего только может желать душа: состояние, дом, любимое занятие и глубокий внутренний мир. Ему кажется, что его жизнь налажена и безоблачна, и никаких уже потрясений в ней произойти не может...

И что? В считанные секунды все переворачивается с ног на голову. Его дом перестает быть крепостью, а душевный покой теряется навсегда. Сам же джентльмен лежит на собственной кровати в носках, пижаме и толстом халате, умирая от жары и стараясь не думать о том, что у соседней стены на импровизированной кушетке из стульев сладко посапывает яркий представитель лондонского дна.

Да, девчонку пришлось оставить в спальне. Поговорка «назвался груздем, полезай в кузов» была справедлива как никогда. Уолтер попытался вспомнить что-нибудь из народной мудрости на ту же тему, но в голову приходило лишь малоутешительное «пришла беда – отворяй ворота» или «после драки кулаками не машут».

– Отстань... ты чего... нет... не надо...

Уолтер подскочил на кровати.

– Роза?

В ответ раздался стон. Девчонке, должно быть, снился кошмар. Уолтер слез с кровати, поплотнее запахнул халат и подошел к непрошеной гостье. Его глаза уже достаточно привыкли к темноте, и он отчетливо видел белое круглое лицо девушки, ее растрепанные волосы, ладонь, сжатую на одеяле в кулачок...

– Нет... нет... – снова застонала Роза.

– Эй. Просыпайся.

Уолтер деликатно потряс ее за плечо.

Роза проснулась мгновенно. Он и не подозревал, что переход от сна к бодрствованию может происходить так стремительно. Роза вскочила, чуть не стукнулась лбом об Уолтера, отпрянула и вжалась в спинку стула.

– Ты в порядке? – на всякий случай уточнил Уолтер. – Я тебя разбудил, потому что ты стонала. Приснилось что-то дурное, да?

– Фу... Кошмар.

Роза провела рукой по лбу.

– Все хорошо, ты в безопасности.

– А я жуть как испугалась. Решила, это Сэмми мне навалить вздумал.

– Что?

– Ну брательник у меня старший есть. Страх как не любит, когда я его место дома занимаю. Может и вмазать. Кулаки у него громадные.

Не все из экспрессивной речи девушки было понятно Уолтеру, но на деталях он решил не заикливаться. Главное он уловил. У Розы есть старший брат, и он отличается суровым нравом.

– Здесь Сэмми нет, – улыбнулся он. – Тебя никто не тронет.

– Здорово. Мне тут нравится. У вас классно. Прямо как дворец.

– Спасибо, – смутился Уолтер.

После того, что он успел узнать о доме Розы, ему было неловко за роскошный трех-этажный особняк Алистеров. Странно, что он прожил в Лондоне двадцать семь лет и ни разу не задумался о том, что есть люди, которые всемером живут в одной комнате.

– Не, правда. Не дом, а сказка.

Голос Розы дрожал от наивного восхищения. Уолтер почувствовал настоящую потребность сказать что-нибудь искреннее, не похожее на стандартные фразы, которыми он отвечал на обычные комплименты знакомых.

Он сел на пол, прислонился к спинке кровати и неожиданно для себя сказал:

– А я не люблю этот дом.

– Почему?

– Здесь все чересчур...

Уолтер запнулся, подыскивая подходящее слово.

– Что чересчур?

– Парадно.

– Это как?

– Тебе следует познакомиться с моей матерью, чтобы понять это, – усмехнулся он. – Леди Алистер нравится жить в музее. Мне – нет.

– Музей – это где всякие штуковины показывают, да? – блеснула познаниями Розы.

Уолтер кивнул.

– Можно и так сказать. Ты что, никогда не была в музее?

– Некогда мне, – фыркнула она. – И там деньги за вход берут.

– Не всегда.

– Все равно я занята.

Уолтер по тону понял, что Розы обиделась.

– А чем ты занимаешься? – спросил он как можно дружелюбнее.

Розы молчала.

– Ну, пожалуйста, не обижайся. Я же ничего не знаю о том, как живешь ты и...

– И такие, как я, – с сарказмом закончила за него Розы. – Это видно.

– Я же сказал, прости.

– Я слышала.

Розы помолчала, а потом внезапно выпалила:

– Но вот что я вам скажу, мистер Алистер или как вас там, если вы вздумаете задирать передо мной нос, я вам быстренько покажу, что к чему!

Уолтер мог бы напомнить юной смутьянке, что она не в том положении, чтобы диктовать усилия. Но неподдельный гнев Розы был забавен, да и обидеться на его неосторожные слова у нее было полное право.

– Меня зовут Уолтер, – просто сказал он. – И если ты будешь хорошо себя вести, я позволю обращаться ко мне по имени. Раз уж нам придется некоторое время провести вместе, предлагаю не ссориться.

Розы хихикнула.

– А теперь спать, хорошо? – Уолтер поднялся. – И, пожалуйста, больше не стони.

– Как уж получится, – печально отозвалась Розы. – Мне всегда снятся кошмары, когда сплю на жестком.

– Тебе неудобно? – встрепенулся Уолтер.

– Н-нет, все нормально.

– Вставай.

Он согнал ее с места и лег на стулья сам. Жестко, узко, страшно пошевелиться. Неудивительно, что девочке приснился ужас.

– Знаешь, что? – Уолтер посмотрел на Розы. – Ложись на мою кровать, а я здесь останусь.

– Правда? – ахнула Розы. Она и не думала сопротивляться или отказываться. – Класс!

Она с разбегу перемахнула через бортик кровати и плюхнулась в самую середину. Пружины матраса скрипнули. Уолтер страдальчески скривился.

– Обалдеть! – проинформировала его Розы. – Мягко!

– Не сомневаюсь.

Уолтер повернулся, и край стула больно впился ему в бок.

– Спокойной ночи, Розы.

Но она уже сладко спала и ничего не ответила.

Ладно, подумал Уолтер. Всего-то ночку потерпеть. Брукфилд прав, надо помогать ближнему.

4

Уолтер добывает пищу

Проснувшись, Уолтер не сразу понял, где он находится и почему чертовски ломит спину. Несколько минут он внимательно изучал потолок, пытаясь восстановить в памяти события вчерашнего вечера.

Они с Пэтти были в театре...

Разговаривали с блистательной Марго...

Много пили...

Ах да, ездили в клуб с Вайолет...

О нет. Уолтер схватился за голову. Как он мог забыть? В его доме, в его спальне, более того, в его кровати находится посторонний человек! И не просто посторонний, а подозрительный. Не исключено, что воровка, за которой гоняется доблестная лондонская полиция.

При мысли о полиции Уолтеру стало легче. Кем бы ни была Розы, он будет последним дураком, если упустит шанс насолить бобби. Пусть в следующий раз знают, с кем связываются. В самом деле, что такого страшного могла натворить девчонка? Даже если и стянула пару-тройку серебряных ложек или щипцов. Она слишком молода, чтобы сидеть за решеткой. У нее еще есть шанс исправиться и начать жизнь сначала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.